

ИСТОРИЯ О ВѢРѢ И ЧЕЛОБИТНАЯ О СТРЕЛЬЦАХЪ

*Саввы Романова *)*.

Во 190-мъ году мая въ 15-й день по смерти государя царя Ѳеодора Алексѣевича бысть чудо преславно: попущеніемъ святаго Бога возсташа служивые люди на бояръ и убиша князя Юрья Долгорукова съ товарищи. А послѣ того смятенія въ 3-й день бысть промежъ ими дума и совѣтъ заедино, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ старую православную христіанскую вѣру возобновити, въ коей россійскіе чудотворцы Богу угодили и прежніе великіе князи и благовѣрные цари и святѣйшіе патріархи до настатія Никонова патріаршества пребывали. И поискавши у себя таковыхъ людей, чтобъ кто умѣлъ челобитную сложить и отвѣтъ дать патріарху и властемъ отъ божественныхъ писаній: «за что они, власти, старыя книги, которыя печатаны при благовѣрныхъ князехъ и царѣхъ и пяти россійскихъ патріархахъ, возненавидѣли и возлюбили новую латинно-римскую вѣру, по своей воли, а не по божіей сотворенную?»—и не обрѣташеса въ нихъ такова челоуѣка искусна и читателя божественныхъ писаній, и ктобы челобитную сложилъ и отвѣтъ властемъ далъ. И призваша единого отъ чернослободцевъ отъ гончарныя слободы, именовъ Симеона Иванова, сына Колашникова, въ Ознобишинъ приказъ, онъ же и Титовъ именовашеса, и пачаша его вопрошати: «Есть ли де у васъ въ посадскихъ людехъ или въ иномъ какомъ чинѣ ревнители о старой вѣрѣ, чтобы были искусные люди божественному писанію и умѣли бы сложить челобитную о старомъ благочестіи и отвѣтъ дати патріарху и властемъ?» И онъ сказахъ: «Слышалъ де отъ своихъ братіи, посадскихъ людей, обрѣтаются божественныхъ писа-

*) По раскольничьей рукописи настоящаго столѣтія.

ній сказатели и добръ вѣдущіе законъ христіанскія правыя вѣры и могутъ отвѣтъ дать патріарху и властямъ». О такомъ дѣлѣ начаша его моленіемъ молити, чтобы онъ такихъ людей къ нимъ въ полкъ привелъ, и онъ, Симеонъ, возвѣстилъ о томъ братіи своей — Никитѣ Борисову, Ивану Иванову сыну Курбатову и Саввѣ Романову, келейнику прежде бывшу въ монастырѣ у архимандрита Макарьевского на Желтыхъ Пескахъ, чтобы они о томъ дѣлѣ порадили и стрѣльцы де зѣло хотятъ постоять за старую православную вѣру. И они о томъ хежъ себя подумали по Апостолу: «аще, братіе, каменіе возопиша, наипаче же намъ не подобаетъ такового великаго дѣла въ забвеніе полагати и отрицатися, на сіе бо и званіи есмы.» И обрѣтохомъ новаго Ілію, ревнителя по отеческихъ преданіи и догматахъ, благоговѣнна инока, искусна во ученіи и твердаго адаманта, отца Сергія. И возвѣстиша ему о всемъ, яже сказа намъ Симеонъ. Онъ же, воздохнувъ, прослезися и рече къ нимъ: «Мнѣ мнитсѣ, братіе, необратное нмъ пришло паденіе, понеже застарѣла въ нихъ ересь и злоба велика въ нихъ возрасте; токмо подвигнемся, писано бо есть: «проповѣди ради благочестію точію да будетъ ти брань»; и пакы: «вся твори, кромѣ еже не повредитсѣ благочестію». И поидохомъ въ домъ Никиты Борисова, и положихомъ начало и благословихомся у отца Сергія и начахомъ писати челобитную о старой православной христіанской вѣрѣ отъ божественныхъ писаній отъ лица всѣхъ полковъ и чернослободцевъ. Тутъ же пришелъ и Павелъ Захарьевъ, и въ другій день, Богу помогающу, совершихомъ челобитную. При часѣ 11-мъ того же дня совѣщахомся и приидохомъ къ вышереченному Симеону Иванову. Онъ же скоростію тече въ Титовъ приказъ и сказа пятисотному, именемъ Ивану: «По вашему де, приказу ходилъ азъ и возвѣстилъ посадскимъ людямъ, и они де съ радостію, написавъ челобитную, пришли ко мнѣ, и вамъ велѣли вѣстно учинить про себя». Онъ же Иванъ, слышавъ, радъ бысть о семъ; взявъ съ собою двоухъ стрѣльцовъ Никиту Юрьева Колчу да Авдѣя Артемьева, пятидесятника, и придоша къ нему Симеону на дворъ. Сергій же встрѣтивъ и давъ ему о Христѣ цѣлованіе, и сѣдоша на малъ часъ, таже глагола ему Сергій: «Слышахъ, братіе, доб-

рое ваше произволеніе, еже хотите попещися о старой благочестивой христіанской вѣрѣ, писано бо есть: «изводи честное отъ недостойнаго, яко уста моя есть», глаголетъ Господь; и вы Господа ради попечытеся о толико душъ погибающихъ въ мірѣ семъ отъ нынѣшнихъ новыхъ книгъ, поспеже вкоренишася въ нихъ многія ереси; а возбраняющаго нѣсть, кромѣ Бога. И вы, братіе, насъ въ поруганіе по прежнему, не дайте, якоже и братію нашу жечь да мучить, но будьте готовы обличати ихъ новую вѣру. Аще будетъ, ради мы и кровь свою проліять за старое благочестіе». Пятисотенный же, слышавъ отъ старца глаголемос, радъ бысть, и рече: «Мы, честный отче, ради такоже съ вами засдино помереть за старое благочестіе, а что ты рече—не дайте насъ по прежнему въ поруганіе жечь и мучить, и мы вкратцѣ скажемъ, что будетъ намъ, и то и вамъ». Сергій же поклонися ему до земли, и повелъ Саввѣ челобитную прочесть предъ ними. Они же, слышавше, удившася: «мы-де во днѣхъ своихъ не слышали таковаго слогу и толика описанія ересей въ новыхъ книгахъ». И взяша съ собою челобитную, и благословившеся у старца, пондоша вси въ приказъ. Пятисотный же Иванъ и сотенный Михайло Артемьевъ и иніи, подумавше, послаша деньщиковъ по слободамъ и созвана всѣхъ стрѣльцовъ на съѣзжу избу. Они же скоростію сошедшеся, и посадскихъ тутъ много пришло, и заставши сотеннаго ихъ полку чести вслухъ всѣхъ. Сотенный же неискусенъ божественному писанію, чететь и рѣчь съ рѣчью не раздѣляетъ, и тупо гораздо, невнятно отъ него глаголемое. Они же перестать ему велѣли; много поискавше, и нѣсть такова человѣка и принудиша ту Савву чести. Онъ же исперва отрицался, они же съ моленіемъ понудиша зго; онъ же пачать чести и толкомъ ереси разсказывати. Они же прилѣжно слушавше, мнози же и плакаху. Егда же прочелъ челобитную, тогда вси единогласно возопиша: «Надобно, братіе, лучше всего постоять за старую православную христіанскую вѣру, и кровь свою проліати за Христа Свѣта, всѣмъ намъ нужно сіе дѣло: за тѣнное было головы своя положили, кабы Владыка не помогъ, а за Христа Свѣта для чего не умереть?» И челобитную у насъ взяли къ себѣ въ приказъ и списали, а подлинную опять намъ отдали.

И возвѣстиша о семъ боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому. Онъ же радостенъ бысть о семъ зѣло, и воспроси ихъ: «Есть-ли, де, братіе, кому отвѣтъ дать противу властей? Велико дѣло божіе сіе, надобно люди бы ученые были». И они ему сказали: «Есть-де, царскій бояринъ, у насъ инокъ зѣло искусенъ божественному писанію и посадскіе люди многіе на сіе дѣло тшачся». Онъ же рече имъ: «Приведите ко мнѣ на домъ инока и посадскихъ людей, кои есть, да и сами прійдете съ ними». Они же пріидоша въ домъ ко иноку и братіи и сказаша: «мы-де о семъ дѣлѣ возвѣстихомъ боярину, онъ же радостенъ бысть, и о васъ сказахомъ по именованью, и повелѣлъ вамъ къ себѣ прійти на домъ: я-де самъ съ ними побесѣдую». И послѣ объѣда того же дни пошли выборные проповѣдывать, и бояринъ еще не бывалъ домой. Они же, шедше вверхъ, возвѣстиша ему: «какъ-де государь прикажешь иноку и посадскимъ людямъ къ себѣ прійти?» Онъ же рече: «Въ другой день послѣ объѣда». Они же и на другой день о часѣ 4-мъ, понимши отца Сергія и прочихъ братій, христіанскаго закона ревнителей, и пріидоша къ боярину. Бояринъ же видѣлъ ихъ и велѣлъ людямъ своимъ честно стрѣтити. Они же встрѣтиша ихъ и отведоша во отходную палату, и жадохомъ его тутъ въ палатѣ, яко 3 часа. И бояринъ отпусти гостей, пріиде къ намъ и поклонися отцу Сергію до земли и глагола ему: «Коея ради вины пріиде къ намъ честный отче?» Отецъ же рече ему: «По приказу твоему пріидохомъ возвѣстити тебѣ о старой христіанской вѣрѣ, въ нейже мы воскормлены нечестнымъ млекоу отъ сосецъ матери нашея святаго соборнаго и апостольскія восточнаго церкви, въ нейже вси святіи наши российскіе чудотворцы Богу угодили и вси благочестивые цари и святѣйшіе патріархи;—и принесохомъ къ твоему боголюбію челобитную на патріарха и властей, въ нейже описаніе многихъ ересей, что содержатъ въ себѣ новыя книги, и за что они власти насъ, не держащихъ ихъ новую латинско-римскую вѣру, проклинаютъ и отъ церкви отлучаютъ, и еретиками называютъ, и за что они старопечатныя книги отринувены сотворили и изъ церкви божіей изринуша, аки непотребни суща, и что въ нихъ ереси и хулы на Бога и Святыхъ Его, иже бы власти въ томъ имъ отвѣтъ дали на письмѣ. Мы же,

Богу поспѣшествующу, ереси ихъ въ новыхъ книгахъ до конца обличимъ». Бояринъ же рече: «Азъ и самъ грѣшный вельми желаю, чтобъ по старому было во святыхъ церквахъ единогласно и немязежно. Аще, рече, и грѣшенъ, но неизмѣнно держу старое благочестіе и чту по старымъ святымъ книгамъ и воображаю себѣ на лицы своемъ крестное знаменіе двѣма персты». И пача чести символъ православныя вѣры: «и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго». И рече: «Тако вѣрую, тако проповѣдую и молю въ Троицѣ славимаго Бога о семъ, дабы умилосердился о народъ христіанскомъ и не далъ бы въ конецъ погибнути душамъ христіанскимъ отъ нынѣшнихъ новыхъ иконовы пѣкія вѣры. Самъ бо Господь пречистыми Своими усты рече: «просите и дастся вамъ, ищите, и обряцете, толцыте и отверзется вамъ; всякъ бо просій приѣмлетъ и ищай обрящеть, и толкущему отверзется: и вся елика просите въ молитвѣ, приимите». И паки: «живу Азъ, глаголетъ Господь, не хочу смерти грѣшнику, но обратится и живу быти ему»; и паки: «не придохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе». И много изрекъ отъ божественныхъ писаній. Сергій же отвѣща къ нему: «Изволь, царской бояринъ, челобитную послушати». И велѣлъ чести челобитную, и слушающе прилѣжно и чуждащися о множествѣ ересей въ новыхъ книгахъ, и по чтеніи челобитныя вопросилъ: «Кто писалъ сію челобитную?» Сергій же отвѣща: «Азъ съ братією сей потрудихомся, Богу помогающу намъ». Бояринъ же отвѣща: «Вижу тя игока, отче, смиренна и тиха и немногословна, и не будетъ ты съ таковое великое дѣло, надобно противъ ихъ ученому человекъу отвѣтъ держати». Сергій же отвѣща: «Азъ аще и немногословесенъ есмь, и не знаю ключамъ ихъ и високоумію, но токмо надѣюся на Сына Божія и вѣрую словесемъ Его, могущая и немудрая умудрити во спасеніе. Самъ бо рекъ ученикомъ своимъ: сице: «предъ владыки же и цари ведени будете Мене радъ во свидѣтельство имъ и азыкомъ; егда же предають вы, не пещытеся, како или что возглаголете: не вы бо будете глаголющии, но Духъ Отца вашего глаголяй съ вами». Бояринъ же рече: «Истинно рекъ еси, невѣдомо, Духъ Святой кѣмъ подѣйствуетъ». Мы же сказахомъ ему и о Никитѣ суздальскомъ, соборномъ священникѣ, на него

же и *Жезль* книга сложена. Бояринъ же радостенъ бывъ и рече: «Знаю я того священника гораздо; противу тово имъ нечего говорить; тотъ уста имъ заградить, и прежде сего ни одинъ отъ нихъ противу его не можаше стати, по яко листвіе падоша. Я, братіе, радъ вамъ помогати, да мнѣ не за искусъ дѣло, и въ конецъ божественнаго писанія не знаю, и ихъ обличити умъ не осяжетъ; потому что мы измлада навыкли воинскому чину, а не духовному; а памъ сіе дѣло не за искусъ. А того себе не мните, что по прежнему казнить, да вѣшать, да въ срубахъ жечь: я вамъ въ томъ Бога свидѣтеля представляю, за то радъ стоять». Мы же отвѣщахомъ: «Государь, царской бояринъ! о томъ Бога молимъ и у тебя государя милости просимъ, не дай насъ по прежнему въ наруганіе, и пораждѣй, государь, чтобы съ ними цари дали праведный судъ и свидѣтельство отъ божественныхъ писаній въ правду, а не по прежнему безвинно осудить да смерти предать: честь царева судъ любить, по писанію». Бояринъ же рече: «Да гдѣ вамъ хочется быть собору?» Мы же рѣхомъ: «Молимъ, государь, твое боголюбіе, чтобы быть собору на лобномъ мѣстѣ предъ всѣмъ народомъ и были бы тутъ цари государи, и благовѣрная царица Паталя Кирилловна и патриархъ со всѣмъ своимъ соборомъ. Буде не изволятъ они на лобномъ мѣстѣ, ино въ кремль промезь соборомъ у Краснаго Крыльца, и повели государь быть собору въ пятокъ». Бояринъ рече: «Послушайте мене въ семь, не изворотю быть собору въ пятокъ; понеже цари государи стануть въ недѣлю вѣчатися царскими вѣнцы, и вы не сдѣлайте великаго смятенія въ народъ». Сергій же и выборные боярину рѣша: «Намъ, государь, царской бояринъ, то и хочется, чтобы цари государи царскими вѣнцы вѣчались во истинной православной вѣрѣ христіанской, а не въ ихъ латинно-римской, и мощно ли то дѣло отложить до другаго воскресенья?» Бояринъ же рече: «Невозможно никонимъ дѣломъ отложить, все приготовлено и служивымъ всѣмъ отвѣдь была къ нынѣшнему воскресенью; а въ томъ я вамъ свидѣтеля Бога представляю, что цари государи царскими вѣнцы стануть по старому вѣчатися, и служба будетъ по старому, по которой вѣчали на царство царя Ивана Васильевича и сына его Феодора Ивановича,—тоже вѣчаніе

и-имъ будетъ». Сергій и вси выборные рѣша: «Царской, государь, бояринъ! нестатно то дѣло, что ему патріарху вѣнчать уже по старому. На литургіи стануть они причащатися государи, а литургію патріархъ станетъ служить по новому своему служебнику, а не по старому, по которому служебнику блаженный патріархъ Филаретъ Никитичъ служилъ, и причастіе на пяти просфорахъ, на крыжахъ латинскихъ, а не на истинномъ крестѣ; а въ вѣчаніи станеть ихъ государей патріархъ уговаривать, чтобы имъ неизмѣнно стоять за новую вѣру заедно съ нимъ патріархомъ». Бояринъ же рече: «Да вѣдь до ему на царей тѣхъ государей не кабала взять, буди по вашему благому изволенію, что въ пятокъ собору быть». Мы же поклонившися отъидохомъ во свояси. И въ то же время приде къ намъ инокъ Савватій, житіемъ Волоколамской пустыни. Въ день же пятничный въ 5-й часъ дни поидоша выборные вверхъ и возвѣстиша боярину: «какъ де государь изволить отцамъ принти на соборъ?» Бояринъ же повелъ принти въ 7-й часъ тогоже дня, и возвѣстиша о томъ отцамъ. Егда же приде 7-й часъ, и тогда призваша отца священника Стефана и молебная совершивше и благословившися отъ него. И вземъ отецъ Никита честный и животворящій крестъ христовъ, а Сергій — святое евангеліе, а Савватій — страшный судъ и придоша къ Красному Крыльцу, и возвѣстиша о нихъ боярину. Бояринъ же повелъ ихъ вести въ отвѣтную палату. Бѣ же народъ много ту собравшися, мужеска пола и женска, по нихъ придоша, видяще таковое дѣло и недоумѣвающесе, глаголаху другъ къ другу: «что хоцетъ быти?» Отцы же придоша въ палату и, помолившися святымъ иконамъ, поклонившася ту сущимъ людямъ по обычаю и сѣдоша. По малѣ же времени приде ту и бояринъ, князь Иванъ Андреевичъ Хованскій; съ нимъ множество пришло дьяковъ и подъячихъ и всѣхъ чиновъ людей. Бояринъ же помолися, цѣлова честный крестъ и святое евангеліе и вопроси ихъ: «Кое ради вины приидосте, отцы честнии?» Никита же священникъ отвѣтъ даетъ боярину: «Приидохомъ здѣ великимъ государемъ побить челомъ о старой православной христіанской вѣрѣ, чтобы велѣли патріарху и властемъ служить по старымъ служебникамъ, такоже и книги всѣ бы были во святыхъ церквахъ

старья и служили бы на 7-ми просѣорахъ, а къ воображенію святаго Агнца на просѣорахъ былъ бы крестъ истинный три-составный, а не крыжъ двучастный, и да расторгнется хула на Бога и на святыхъ Его, такоже и въ людехъ да не будетъ мятежа, но подастъ Господь тишину велію. А буде патріархъ не изволитъ по старымъ книгамъ служить, они бы великіе государи велѣли ему патріарху съ нами, богомольцами своимъ, дать праведное свое разсмотрѣніе отъ божественныхъ писаній: что онъ патріархъ по тѣмъ старымъ книгамъ не служить и инымъ возбраняетъ; а какъ кон богочтецы, ревнуя по отеческихъ догматѣхъ истиннаго закона, по тѣмъ старымъ книгамъ чтуть и поють, и онъ патріархъ тѣхъ людей проклатію предаетъ и въ дальняя заточенія засылаетъ, а Соловецкій монастырь велѣлъ вырубить, и за ребра перевѣшать и на морозѣ переморозить; и за что они тѣ старья книги отриновенны сотворили и въ церкви божіей аки непотребныя? и есть ли въ нихъ какія ереси, или какая несправа, и что въ нихъ есть хулы на Вышняго Бога и Пречистую Его Богоматерь и на Святыхъ Его? и благочестивы ли были, кон по нихъ служили и пѣли, прежніе цари и великіе князи и святѣйшіе патріархи, при конхъ печатаны, или не благочестивы были? И онъ бы патріархъ намъ богомольцамъ вашимъ во всемъ томъ отвѣтъ далъ на письмѣ, а мы, богомольцы ваши, въ ихъ новыхъ книгахъ всякіе затѣи и многія ереси ихъ, Богу помогающу намъ, въ конецъ обличимъ». Бояринъ же имъ рече: «Я-де и самъ желаю истину увѣдѣти, и чту и пою и вѣрую по старымъ книгамъ, какъ святая соборная и апостольская церковь содержитъ,» и много изрекъ отъ божественныхъ писаній, и прочте символъ по старому, такоже и слагаше крестное знаменіе по преданію святыхъ отецъ двѣма персты. И вопроси ихъ: «Есть ли у васъ о томъ челобитная?» Они же сказаша ему: «Есть, государь, и двѣ». Онъ же рече: «Приказали де государи цари челобитную взять и прочесть». И рече Никита: «Да какъ, государь, царской бояринъ, возмешь у насъ челобитную, а намъ безъ нихъ что будетъ на соборѣ подать?» Онъ же общася живымъ Богомъ: «Что паки къ вамъ принесу, а не учиню того, что не отдать. Когда же положилися на меня во всемъ, вѣрьте же ми не-

отложно». Они же подумавше промежь себе и даша ему челобитную. Онъ же понесе вверхъ къ царемъ государемъ, тутъ же и патріархъ былъ и слушалъ челобитную, и сошелъ къ намъ бояринъ безъ челобитныхъ. Отцы же начаша ему говорити: «что-де, государь великій бояринъ, челобитныхъ къ намъ не принесть?» Онъ же обѣщася принести. Потомъ въ третій прииде и челобитную принесе, и рече ипроду, кои тутъ предстоятъ: «Будеть, де, противъ тоя челобитныхъ дѣла недѣли на 3, не токмо еще книги спидѣтьствовать; великое сіе дѣло божіе». Предстоящій же рѣша: «Подай, Господи, избери что лучшее душамъ нашимъ христіанскимъ.» И сказалъ отцамъ: «Патріархъ де у царей государей упросилъ о семъ дѣлѣ до среды. Въ среду же приходите послѣ обѣдни». И отпустилъ ихъ въ домъ, идѣже пребывающе, и велѣлъ дать караулу 30 человекъ стрѣльцовъ ради обережки двора. Отецъ же Никита доложи боярину о преждереченномъ дѣлѣ: «Какъ де государь изволишь царей государей вѣнчать?» И онъ рекъ: «Я де вамъ говорилъ прежде сего, что царей государей стануть вѣнчать по старому». Никита же: «Хорошо, еслибы патріархъ и литургію служилъ по старому на седми просфиряхъ, а крестъ бы воображенъ былъ истиной, а не крыжъ». И бояринъ рече: «И вы-де велите испечи просфирь воображенія старымъ крестомъ, я-де патріарху самъ поднесу, и велю служить по старому; а ты, отецъ Никита, тутъ же буди». И придоша отцы въ домъ, идѣже бывше, и патріархъ увѣдавъ, зане служивые всѣхъ полковъ заедино хотяху за православіе стоять, убояся, да не будетъ лишенъ славы и сана своего, посылая по выборныхъ служиваго полку, воздавая имъ честь велию, и повелѣлъ понти ихъ разными питьями и подачи посылая имъ, такоже и дары великіе, чтобы не поборники были православію, и тако иныхъ слабоумныхъ улести въ свою волю. И на утріе въ субботу придоша отцы, Волоколамскихъ пустынь жители, отецъ Дороей и Савватій и Гавріилъ, и бысть радость велия промежь ими; а посылали по нихъ Савву Бѣлевскаго. По утру рано въ воскресный день бысть голка велия въ Титовѣ приказѣ: придоша ко отцамъ служивые люди и сказаша: «Попъ де у нихъ цовикъ, споруется отъ писанія, а у насъ де противъ него нѣкому оспорить, и зѣло де хулить и поносить старую

вѣру». Ревнители же благочестія идоша къ нему, онъ же училъ по кормчей книгѣ; а егда видѣ ихъ пришедшихъ, да и замолча, а самъ рекъ: «Время-де мнѣ обѣдня служить». Они же отъ него разошася. Никита же отецъ повелѣ нѣкоей вдовѣ искуситъ просѣиры испечи, и понесе ихъ въ соборъ. Народи же московстїи вси собравшеся и ждуще царей государей, и тѣснота бѣ велія въ людехъ, и другъ друга давяху утѣшенія ради; и не дойде отецъ Никита не токмо до боярина, но и до соборныя церкви, и возвратися ко отцамъ и рече имъ: «Простите, отцы: инокими мѣрами не допустилъ народъ до соборныя церкви, и я просѣиры назадъ принесъ». Онъ же тѣ просѣиры раздаше вѣрнымъ благословенія ради. И въ той день сотвориша царемъ-государемъ вѣнчанію. Видѣвъ въ Титовомъ полку благоразумнїи людіе, яко по ущещенію патріарха не бысть въ иныхъ полкахъ согласія о правовѣрїи, совѣтъ сотвориша въ своемъ полку, и выбраша старыхъ стрѣльцовъ, пятидесятника Михаїла Артемьева, Ивана Максимова, Егорья да Михаїла и придоша ко отцемъ и благословившеся у нихъ съ челобитною ходити по приказомъ, руки прикладывать. Они же рекоша: «Богъ васъ благословитъ на такое великое дѣло: потружайтеся ради Сына божїя, незабвенны будутъ труды ваши у него свѣта на небесѣхъ, и стоны ногъ вашихъ изочтени будутъ, сирѣчь, въ нюже мѣру мѣрите, возмѣритеся вамъ.» И поищемъ Саву ради прочитанія челобитныя, понеже по приказомъ нѣкому челобитныя честь. И въ той же день приложили руки къ челобитной 4 приказа, а на другой день 3 приказа, и тако приложиша руки 9 приказовъ, а десятое пушкари, и бысть между ими прѣ великая и брань: нишн хотять прикладывать, а нишн не хотять, обольстившеся патріархомъ, и говорятъ такъ: «Намъ-де за что прикладывать? мы де отвѣчать противъ челобитной не умѣемъ и какъ руки приложить, такъ и отвѣтъ давать противу патріарха и властей; а старцамъ умѣть ли противу такова собору отвѣтъ дать? а они смутивъ, — да уйдутъ; а все то дѣло не наше, сіе дѣло патріаршее; мы и безъ рукъ рады тутъ быть, да стоять за православную вѣру и смотреть правду, а по старому де не дадимъ жечь да мучить». И на томъ служивые положили, что, и не приложя рукъ къ челобитной, стоять за одно всѣмъ и

дѣлать правду, а къ коей челобитной руки приложили, и ту челобитную положили въ Титовѣ приказѣ, запечатать, и велѣли подавать большую челобитную отъ лица всѣхъ православныхъ христіанъ, на 20 столпцахъ писана. Потомъ въ среду приидоша къ нимъ выборные: «Честніи отцы! пойдемъ мы въ городъ и благословите вы насъ доложить боярину о томъ, какъ вамъ принти на соборъ, въ коемъ часу и отвѣдь вамъ дадимъ, а безъ насъ вы не ходите.» И благословившеся у нихъ, поидоша въ городъ и доложиша боярину: «Какъ-де государь, царской бояринъ, принти отцамъ на соборъ и въ коемъ часу?» Бояринъ же, видѣвъ промежъ ими смятеніе и непостоянство, велѣлъ всѣмъ выборнымъ собратиса вмѣстѣ и ждать себя въ отвѣтній палатѣ. Они же собравшеся приидоша въ отвѣтнюю палату. Но малъ же времени прииде и бояринъ въ палату и рече имъ: «Приказали мнѣ цари государи васъ спросить: всѣ ли вы полки заедно хотите стоять за старую христіанскую вѣру?» Они же яко единими усты рекоша: «Мы, государь, царской бояринъ, вси полки и чернослободцы за едино рады стоять за старую православную христіанскую вѣру». Бояринъ же и во второе такоже спроси ихъ; они же вси единѣми усты такоже отвѣщаша. Бояринъ же и въ третіе спроси ихъ: «Что сказать царемъ государемъ, всѣ ли вы за едино хотите за старую вѣру стоять». Они же тоже вси отвѣщаша не токмо стоять, но умереть ради за старую православную вѣру. Бояринъ поиде вверхъ, и сказа царемъ государемъ, что служивые сказали: «не токмо стоять, но умереть ради за старую православную вѣру». Цари же послаша его къ патріарху и служивые посадскіе многіе тутъ были. И егда приидоша къ патріарху, бояринъ же пошелъ въ крестовую, а выборныхъ и посадскихъ оставиша въ стѣнѣхъ; и патріархъ выборныхъ всѣхъ велѣлъ взять на погребъ и приказалъ понти довольно водками и краснымъ питіемъ и медомъ. Они же, напившеся зѣло пьяне, пришли въ стѣни къ патріарху и тутъ кои ревнителіи православія лукавое смышленіе ихъ вельми непостоянно видятъ, что ничтоже наше успѣваетъ, но паче молва бываетъ. И по малъ часъ велѣлъ бояринъ иди выборнымъ и посадскимъ въ крестовую, и выборные, кои пьяны, вѣрнымъ рекоша: «Уже-де-какъ станете отвѣчать патрі-

арху и властемъ?» И вышелъ тутъ патріархъ и власти; и выборные пошли къ рукѣ, изъ правовѣрныхъ же ни одинъ не пошелъ. Бѣ же народу полна палата патріаршая крестовая. Нача патріархъ вопрошати: «Чесо ради, братіе, пріидосте къ нашему смиренію, и чесо отъ насъ требуете?» Бояринъ же отвѣща къ патріарху: «Пришли—де, государь, святѣйшій патріархъ, къ твоему благословенію всякихъ чиновъ люди, надворная пѣхота великихъ государей всѣхъ полковъ, и солдатскаго строю выборнаго полку, и пушкарн всѣ, и чернослободцы и посадскіе люди о исправленіи стараго благочестія православныя вѣры христіанскія побить челомъ; и какъ служили при великихъ князехъ россійскіе чудотворцы и святѣйшіе патріархи, по тѣмъ же бы по старымъ книгамъ и нынѣ бы такожде служба была въ соборной и апостольской церкви единогласно и нематемно, по апостолу: «единъ Господь, и единая вѣра, едино крещеніе и единъ Богъ Отецъ всѣхъ»; и пакн: «даждь намъ Владыка едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречистое и великолѣпное имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь». Того ради пріидоша къ твоему благословенію». И молчаніе бѣ не малъ часъ, и повелѣлъ Хованскій стрѣльцамъ говорить. И сталъ говорить выборный Алексѣй Іюдинъ, Воробина приказу: «Мы, государь святѣйшій патріархъ, пришли къ твоему благословенію о свидѣтельствѣ божественныхъ писаній, и за что старыя книги, печатанныя при великихъ государехъ царѣхъ и при святѣйшихъ патріарсѣхъ, отринуты, и какія въ нихъ пріобрѣтаются ереси, и намъ бы про то вѣдомо было.» Патріархъ сталъ говорить: «Чада моя и братія! вамъ не подобаетъ судити и простаго человѣка, колми паче архіерея святыхъ апостолъ правила возбраняютъ и отъ церкви святін отцы олучаютъ и вѣчнѣй клятвѣ предають, аще не престануть отъ таковаго начинанія. А вы простаго чину и воинскаго, и вамъ сіе дѣло не за искусь; но нашею архіерейскою властію разрѣшается и важется. Мы на себѣ христовъ образъ носимъ; также и азъ пастырь, а не наемникъ, дверьми вшелъ, а не чрезъ ограду, и не самъ азъ на себя такую великую тяготу восхитилъ и докутилъ на апостольскій престолъ, но избранъ есмь повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя и бла-

гословеніемъ всего освященнаго собора; а не противъ моея силы такую тяготу великую на мя возложиша и съ нуждою на сей архіерейскій престолъ возведоша; и азъ за послушаніе такую великую тяготу на себя восхитилъ, и азъ еще и недостоинъ, но пастырь есмь, и того ради подобаетъ вамъ повиноватися и учителемъ и священникомъ, наипаче же архіереомъ и не судити ихъ, еще и житіе имать укоризное. И паки апостолъ глаголетъ: «повиңуйтєся наставникомъ вашимъ и покоряйтєся»; и на се Златоустъ глаголетъ съ ирещеніемъ: «А ты ли ниже повиноватися хочещи? Онъ тебе ради бдитъ, тебе ради молитъ, за тебя стоитъ Бога просай, тебе ради молитвы творитъ во всякомъ прошеніи. Вы же нынѣ намъ прекословцы являетєся не токмо намъ, но господнимъ словесемъ глаголющимъ святымъ Евангеліемъ: «слушай вась Мене слушаеть, а отметаайся вась, Мене отmetaеться». Вы же къ тому глаголете: «у насъ вѣра зла», и Пикона бывнаго патріарха называете еретикомъ и сущаго врага святаго соборнаго церкви, а онъ не еретику былъ и не врагъ святаго соборнаго церкви; еще и сана изверженъ, не за вѣру или догматы церковныя, но за свое безчиніе и непокорство, згордися самъ оставилъ престолъ свой; а у насъ онъ никакого поврежденія вѣрѣ не учинилъ. А у насъ вѣра православная и святыми апостолами проповѣданная и святыми отцы утвержденная и мученическою кровію запечатлѣнная, стараго православія греческаго закона, въ нейже и святіи отцы Богу угодиша, исправлена съ греческихъ и съ нашихъ російскихъ харатейныхъ книгъ, и святѣйшіе вселенскіе патріархи повелѣніемъ великаго государя и всего освященнаго собора на то призвани быша киръ Паисій, александрійскій папа и судія всей вселеннѣй, и Маркарій антиохійскій; они же наипаче исправниша и утвердиша и повелѣша православнымъ христіаномъ креститися тремя персты во образъ Святаго Троицы, а не послѣдующихъ ихъ исправленію проклятію предаша. И мы сіе не сами завели отъ себе, но отъ божественныхъ писаній исправихомъ и послѣдуемъ имъ, святѣйшимъ патріархамъ, и сами себѣ погибели не ходемъ и вамъ такоже не совѣтуемъ». И выборные на отвѣтъ поставниша передъ патріархомъ Павла Даниловца, да Павла Захарьева, и Савву Романова и повелѣша противу

его отвѣщать. Павелъ же Даниловецъ исперва поклонился ему до земли и нача глаголати со смиреніемъ и тихими глаголы: «Въ правду, святѣйшій владыко, рекъ, что вы на себе христовъ образъ носите и вамъ должно есть намъ повиноватися. Спаситель нашъ Христосъ смиренія образъ во всемъ показалъ и Самъ рекъ пречистыми усты: «научитесь отъ Мене. яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрячете покой душамъ вашимъ», а не струбами и огнемъ и мечемъ грозилъ. Яко ты глаголеши: образъ христовъ носите, а житію христову не послѣдуете. И апостолъ рекъ: «повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покарайтесь, тѣмъ бо бдѣть о душахъ вашихъ». И на се Златоустъ толкуеть: «что убо, рече, егда золь, неповинуешилися? золь како глаголеши? аще убо вѣры ради, бѣгай его и отрицайся, не точію аще челоувѣкъ былъ бы, но аще ангель, съ небеси сшедшій»; рекъ Павелъ: «но аще азъ, или ангель съ небеси благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ», сирѣчь, аще и малое что подвигнуть, анаѳема да будетъ. И пакы Галатомъ пишетъ: «чуждуся яко тако скоро предлагается отъ звавшаго васъ благодатию христовою во ино благовѣствованіе». И мы таковаго апостольскаго запрещенія и проклятія боимся отъ писанныхъ и малое что подвигнуть и паче мертвыхъ возстающихъ писанія быти достовѣрѣйша; и достоинство лицъ не пріемлется, егда вѣру превращаютъ, или о истинѣ слово будетъ, сирѣчь, говорить о правдѣ не токмо предъ святители, но и предъ цари: понеже благочестія отступити Бога отступити есть, и ничтоже тако раздражаетъ—Бога, якоже церкви раздѣлятся, аще и безчисленная будемъ содѣлаше благая; что же сіе есть яко ниже мученическая кровь можетъ сего загладити грѣха». Патріархъ же къ нему рекъ: «Да статное ли дѣло, что вамъ архіерея судить? Вы Никона патріарха называете блудника и прелюбодѣя, будто онъ бабъ блудилъ и дѣвокъ и молодыхъ ребятъ, и тѣмъ въ людѣхъ смущеніе творите и предаете святительскую власть, и тѣмъ чинъ святительскій ругаете. И то не ваше простолюдиновъ—архіерея судити, но нашей архіерейской власти о томъ разсмотрати и по правиломъ святыхъ отецъ отлучати и судити, ваше токмо повиноватися». Тогда Павелъ отвѣщалъ ему: «Не о семъ намъ, святѣйшій па-

тріархъ, слово; вѣсть вамъ о семъ глаголати. Слыши бо самаго Спасителя нашего Христа, глаголющаго: «на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисей». Вся убо, елика аще рекуть вамъ творити, творите; по дѣломъ же ихъ не творите; имуть, рече, санъ, по житія нечистаго. Но не житію, но словесемъ внимай: права бо ради ничтоже повреждается». И Златоустъ глаголетъ, яко подобаеъ повиноватися учителемъ и священникомъ и не судить, аще и житіе укорное имуть; аще же о вѣрѣ погрѣшаетъ, тогда не подобаеъ покоратися имъ, но и бѣгати и судити ихъ.» А епископу подобаеъ, рече апостоль, безпорочну быти, якоже божію строителю, не дерзу, не напрасливу, не пияницъ, ни убійцъ, но боголюбцу, цѣломудренну, праведну, преподобну, воздержавшемуся вѣрнаго словеси во ученіи.» А на се слово Златоустъ рече: «а иже не вѣдый о правомъ учении, далече да будетъ престола учительска». И паки: «таковъ намъ подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ, безскверенъ и отлученъ отъ грѣшникъ, сирѣчь, нелукавъ, непронырливъ»; и паки: «пасите еже въ васъ стадо божіе не съ нуждею, но волею и по Бозѣ, ниже несправедлими прибытки, но усердно, не яко обладающе причту, но образъ бывающе стаду». А что мы, святѣйшій патріархъ, Никона называемъ еретикомъ и сущаго врага святыхъ апостольскія церкви восточныя: что онъ Никонъ егда исперва на престолъ взыде, то онъ учинилъ въ церкви расколъ и взялъ отъ папы Формоза римскаго костела и повелѣ христіаномъ тремя персты креститися, а не крестящихся тремя персты всякимъ томленіемъ повелѣлъ мучити отцевъ и братію нашу, да и вы по немъ тоже творите; да и въ молитвѣ Сына Божія не повелѣлъ глаголати. И то, государь святѣйшій патріархъ, какая ересь и хула, что двѣма персты креститися, исповѣдывать божество и человечество, и въ молитвѣ Сына Божія глаголати, и за что за то жечь въ струбахъ да пытать?» И патріархъ рече: «Мы за крестъ и молитву въ струбахъ не жжемъ и не пытаемъ; мы за то жжемъ, что насъ еретиками называете и не повинуетеся святѣй соборнѣй и апостольскѣй церкви; а кто какъ хошетъ, такъ и крестится,—двѣма ли персты, тремя ли, или всею дланію, то все едино, лише бы знаменіе на себѣ вообразити, и мы о томъ не

пстазуюемъ». Павелъ же рече: «Святѣйшій Владыко! да не едино онъ сіе разрушилъ, но многія ереси ввелъ въ церковь божію, и книги старыя, по коимъ святіи отцы наши Богу угодили, всѣ исказилъ, испревратилъ на свой разумъ и, вкратцѣ молвить, что ни содержала святая соборная и апостольская церковь — преданіе святыхъ отецъ, писанное и неписанное, то все онъ Никонъ нарушилъ и превратилъ, будто и слѣду благочестія у насъ въ Россіи лѣтъ семь сотъ, отъ Владимірова крещенія до пего Никона, не бывало. А до того намъ какое дѣло—архіерея судити; а кто какъ живетъ, блудникъ или піаница, или лихонмець, каждо отъ своихъ оправдится, или осудится; кто что посядетъ, тотъ то и пожнетъ; намъ про то скверно говорить ненадобно». Тутъ стало патриарху за великой стыдъ, что не ладно молвилъ. Павелъ же много изрекъ отъ божественныхъ писаній; патриархъ же и власти всѣ стоятъ молча, повѣся головы. Павелъ же рече ко властямъ: «Власти государи! помогайте архіерею тому божію говорить съ нами; видите ли онъ изнемогъ, а вы его не перемѣните». И патриархъ спросилъ: «Какъ тебя зовутъ?» «Меня, государь, Иваномъ зовутъ». — «Изнемогъ де, Иванушко, потому что дни три не ѣдалъ». И бояринъ Павла зѣло похвалилъ: «Не чаялъ де въ васъ такова человѣка». И спросилъ у Сава, стрѣлецъ ли онъ, или посадской? И я ему сказалъ: «Съ посаду де, государь, овчинныя слободы». Сталъ говорить Крутицкій митрополитъ Варсонофій: «что де все вы говорите, а святѣйшему патриарху не дадите единого слова выговорить». И Павелъ: «Изволь де государь, говори ты». И сталъ патриархъ тѣ же рѣчи говорить: «и де до меня заведена новая вѣра, по совѣту и благословенію святѣйшихъ вселенскихъ патриарховъ исправили съ греческихъ книгъ: здѣ изъ святыхъ горы много греческихъ старыхъ книгъ привезено, а я на готовое пришелъ». И Сава противу ему рекъ: «Мы, святѣйшій патриархъ, въ томъ на тебя и не сѣтуемъ, что ты завелъ новую вѣру; испревратилъ вѣру христіанскую Никонъ, бывший патриархъ, да чернецъ Арсеній еретикъ». «Не еретикъ былъ Арсеній, но истинный православный христіанинъ и сынъ святыхъ восточныхъ церкви». Сава же отвѣща: «Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ блаженныя памяти при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ и при святѣйшемъ

патріархъ Іосифъ пріѣзжалъ въ царствующій градъ Москву вселенскій патріархъ Пансій іерусалимскій и привезъ чернца Арсенія, родомъ греченина. И егда повѣха вселенскій патріархъ во свою землю, и тотъ чернецъ утаився и скрився отъ своего патріарха, хотя здѣ плевели всѣять въ православную нашу христіанскую вѣру. Той же вселенскій патріархъ Пансій писалъ съ пути блаженныя памяти къ великому государю, царю и великому князю Алексію Михайловичу и ко святѣйшему Іосифу патріарху про того чернца Арсенія, что онъ еретикъ и въ жидовскомъ обрѣзаніи, и вѣрѣ христіанствѣй конечной врагъ, чтобы ему въ царствующемъ градѣ Москвѣ просто жить не велѣлъ, и держать бы въ крѣпкѣ, потому что онъ многи грады возмутилъ и вѣру христіанскую испревратилъ по своему еретическому умышленію, а не по преданію святыхъ отецъ. И того ради великій государь и святѣйшій патріархъ велѣли того чернца сыскать и сослать въ Соловецкій монастырь въ заточеніе. И по указу великаго государя и святѣйшаго патріарха посыланъ былъ въ Соловецкій монастырь новгородскій митрополитъ, бывшій патріархъ, ради мощей иже во святыхъ отца нашего Филиппа митрополита московскаго чудотворца. И обходяше тамо вся службы и больницы, посѣщаше братію, и увидѣвъ его чернецъ Арсеній возопи гласомъ велимъ: «Святѣйшій патріархъ Іосифъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ успе, а намѣстникомъ де быть послѣ него тебѣ, великому государю». Никонъ же за сіе слово взя его съ собою къ Москвѣ, и егда воспрія патріаршества престолъ, взя его къ себѣ въ келлію, и потомъ въ казначен; и паки потомъ учини его быть первымъ справщикомъ на печатномъ дворѣ, и далъ ему волю въ книгахъ. Онъ же самую первую головную книгу, по которой священнодѣйство совершается, еже есть служебникъ, испревратилъ по своему суетному мудрованію, а не по святыхъ отецъ преданію, потомъ октонхъ, евангеліе, и просто молвить, что ни содержитъ соборная и апостольская церковъ, то все нарушилъ и исказилъ, будто и слѣду благочестія у насъ въ російскомъ царствѣ отнюдь до сего не именовалось. А ты что, святѣйшій патріархъ, изволилъ говорить про нынѣшніе вселенскіе патріархи, что де они, къ намъ пріѣхавъ, вѣру испра-

види съ греческихъ старыхъ книгъ, и у насъ прежде сего въ российскомъ государствѣ палестинскихъ патріарховъ бывало много, наипаче же начальнѣйшій и глава всѣмъ Іеремія царсградскій и Θεοφανъ іерусалимскій, и ни въ чемъ наша православныя вѣры не хулили и двоихъ блаженныхъ и престопамятныхъ отецъ нашихъ, святѣйшихъ патріарховъ Іова и Филарета, государству на архіерейскій престолъ хиротонисаша, глаголюще: «ветхій Римъ падеся Аполлинаріевою ересію; второй Римъ, еже есть Константинь градъ, падеся, отъ агарянскаго насилія изсякло благочестіе; московское же государство третій Римъ именовашеся». И завсегда въ соборнѣй и апостольствѣй церкви у вечерни и заутрени были и чинъ уставъ соборныя церкви видѣли, сами съ нашими патріархи божественную литургію служили; и аще бы было кое прегрѣшеніе и неисправление въ книгахъ или въ церковномъ чину и поступкахъ напротивъ ихъ греческаго закона, они бы о семъ святѣйшій патріархи нашимъ патріархамъ воспретили, исправили, кое непротивъ ихъ печатныхъ книгъ. Да и сами о себѣ свидѣтельствовали, что у нихъ въ Грецѣхъ отъ насилія агарянскаго благочестіе изсякло, и нѣсть нигдѣ, кромѣ московскаго российскаго государства: и о томъ свидѣтельствуеетъ книга кормчая. И премудрый Максимъ Грекъ во своей книгѣ пишетъ сице: «Егда плѣненъ бысть Царьградъ отъ Агарянъ, и тогда нѣцин боголюбивин, собравше вся греческія книги, хотяще цѣло соблюсти благочестіе, отплыша въ Римъ къ папѣ. Папа же съ радостію пріять у нихъ книги, бѣ бо отъ многоу лѣтъ ждаше; и повелѣ перевести на свой латинно-римскій языкъ; греческія же переведенныя повелѣ огнемъ сожещи; и оттолѣ начаша печатати книги Грекомъ въ Венецїи и въ Австрїи и многія ереси въ нихъ внесоша». А нынѣшнія власти, вселенскіе патріархи, прїѣзжали въ московское государство не вѣры исправлять, но злата и вещи собирать, и учинили лишь раздоръ церкви божіей великїй; и не крестящихся тремя персты по ихъ мудрованію проклятїю предавати, и огнемъ сожигати и всякимъ томленіемъ житія человѣческаго лишати. И отъ того времени и мятежа великаго и до нынѣшняго дне здѣ въ московскомъ государствѣ и по многимъ городамъ христіанская безвинно кровь

проливается; и мы о семъ молимъ твое боголюбие: разръши сомнѣніе и мятежъ душамъ христіанскимъ, и соедини церковь божію, да не проливается напрасно кровь христіанская. Вы мпяще за Христа убиваете, а тѣ любители стараго православія души своя Христа ради полагають, да вѣчно съ Нимъ царствуютъ». И тутъ патріархъ отвѣту ничего не далъ и азъ, отступивъ отъ него, и сталъ близъ митрополита нижегородскаго. И митрополитъ ко мнѣ рекъ: «Вы о чемъ стязуетесь? мы никогда за крестъ и молитву не жжемъ, но за ихъ непокорство, что возмущають народомъ въ церкви не ходитъ и не исповѣдываются у священниковъ, и тѣмъ множество народу отъ церкви отлучили». И Савва противу его рекъ: «Да правду ли, владыко, рекъ, что за крестъ и молитву не жжете? чесоже ради, какъ приведуть предъ васъ коово христіанина, и въ первыхъ вопрошаете: «какъ крестнишься и какъ молитву творишь?» Христіанинъ молвить: «я де молитву творю и крещуся по старому, якоже святая соборная и апостольская церковь пріяла отъ святыхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ седми вселенскихъ соборовъ». И вы за то пытали, да жгли, да его же въ тюрьму. Да у тебя же въ Нижнемъ подъ Ивановскою башнею выкопана яма сажень съ десять, и тутъ сидятъ и доньпѣ три человекъ за крестъ и молитву. И по твоему приказу пріѣхжалъ Митроносицкій попъ Евонмей, изъ ямы велѣлъ ихъ вынять и самъ распрашивалъ: «повинуетесь ли соборнѣй и апостольстѣй церкви и преосвященному митрополиту и хотите ли исповѣдаться и причаститься?» Они же въ первыхъ къ нему къ благословенію пошли и потомъ рекли: «Мы во всемъ повинujemyся соборнѣй церкви и митрополиту и хожемъ повиноватися и причаститься и по прежнему прекословити не станемъ, только де не отменяй у насъ креста да молитвы по старому». И попъ Евонмей тебѣ о томъ возвѣстилъ: «во всемъ де, государь, повинуются и по прежнему прекословити не хотятъ, только молитвы да креста не измѣняютъ». А ты ихъ въ туже яму велѣлъ бросить». И митрополитъ: «Да то де не я посадилъ: присланы по государскому указу безъ меня, и какъ изволить съ ними государь». И я противу ему рекъ: «Да ты чрезъ государской указъ дѣлаешь, а государской указъ: буде кто повинну принесеть, ино

его выпустятъ или подъ началъ отдадутъ». И патріархъ на митрополита закричалъ и велѣлъ молчать: видитъ онъ, что неладно говорить; и митрополитъ за властей схоронился въ куть, да искусенько изъ-за властей и выглядываетъ, и Саву опознаваетъ; и велѣлъ новгородскому митрополиту спросить его имени, и онъ спросилъ: «Какъ де тебя зовутъ?» И я ему сказался Васильемъ. И нижегородскій митрополитъ призвалъ стрѣльца Титову приказу, да про него же спросилъ: «Откуда де у васъ сей человекъ?» И онъ ему сказалъ: «Нашего де полку, первая сотни сотникъ». «А какъ зовутъ?» «Зовутъ де его Васильемъ». И нижегородскій митрополитъ: «Знаю я его, бывалъ де у насъ, и нашъ де онъ скормленникъ, да нынѣ намъ врагъ сталъ». А новгородскій митрополитъ много съ нимъ говорилъ отъ божественныхъ писаній, и говоритъ ему: «Я де и самъ, Васильюшко, прежде сего много сумлялся о семъ дѣлѣ, да и нынѣ во мнѣ сомнѣніе великое». И въ конецъ онъ о старомъ благочестіи знаетъ; и служивые тутъ стали говорить: «Вотъ де патріархъ противъ двоихъ человекъ отвѣту не далъ, лишь только де насъ виномъ да медомъ понть знаетъ, — а намъ де противъ правды стоять будетъ». И Хованскій послѣ той бѣдѣ и выборные пошли къ патріарху къ благословенію, а ревнители правотѣрю ни единый не пошелъ; единъ лишь Павелъ Даниловецъ пришелъ къ патріарху. Патріархъ протянулъ руку, хочетъ благословити по новому. Павелъ же сталъ говорить: «Нѣтъ де, государь, святѣйшій патріархъ, буде благословишь ты меня по старому, и я радъ отъ тебя благословеніе воспріять». Патріархъ же рекъ: «Когда де будетъ время, тогда и благословлять буду по старому, а нынѣ еще не почалъ». И тако пойдоша вонъ бояринъ и выборные. Бояринъ же нача Павла во главу цѣловати, и зѣло похвалилъ: «не зналъ де азъ, малой, тебя до сея поры». Патріархъ еще упрошалъ сроку до среды собору быть; и въ субботу по утру выслалъ попа Саву, иже искусенъ и школьному ученію, и нача учити народъ по Кириллову Евангелію Транквилионову и тремя персты креститися, и зѣло на старую вѣру хулу возлагаше. Народи же того попа каменіемъ побивша, еле жива оставиша, и черница у Москворѣцкихъ коротъ бивша довольно. И бысть на всѣхъ властей страхъ и

власти инья начаша благословляти по старому; а ком по обычаю своему благословляютъ и увидя конхъ ревнителей благочестію и боящися, отнюдь удерживая себе, и не благословляху народъ. И съ того часа патріархъ и власти жезлы стали носить старыя Петра митрополита;—слынаша въ народѣ глаголющихъ: «како де вы сѣми власти лукавы да и жезлы съ проклятыми и лукавыми зміями посите, прообразующихъ потребленіе нашея православныхъ христіанскіихъ вѣры»; и того ради оставиша жезлъ съ проклятыми зміями. Народи же имъ чести и поклоненія отнюдь не воздающе и глаголюще: «когда будетъ у нихъ правая вѣра, и они бы о ней подвизались и жезлы бѣ не носили по своему обычаю съ проклятыми зміями; лише вездѣ видно ихъ непостоянство и мятежъ». И благовѣрная царица Наталья Кирилловна прислала нарочно Парасковью Павловну къ вѣрующимъ, чтобы соборъ былъ на лобитѣхъ мѣстѣ, и были бѣ тутъ цари государи; и меня просили на соборъ, а въ соборную церковь никакъ не ходили бы, хотя и съ великимъ моленіемъ стануть просити, чтобы шли въ церковь; а буде не пойдутъ на лобное мѣсто, ино промежъ соборомъ на площади и о томъ прислала трижды, чтобы въ церковь не ходили, такоже и въ Грановитую Палату: у нихъ де дьявольской вымыселъ есть надъ вами. И патріархъ разумѣ свое лишеніе и на соборъ не хочетъ ити и говоритъ боярину: «буде де изволятъ, и они бы принесли свои старыя книги—евангеліе и служебникъ, а мы такоже новыя свои, да положили бы въ раку къ Петру митрополиту, и тутъ знать будетъ, кои правы и не правы; заповѣдалъ бы постъ по всей земли, а соборную церковь запечатали бы царевыми печатями, да патріарша и выборныхъ такоже и старцева печать: и о семъ станемъ молиться, да явятъ намъ святіи чудотворцы». И отцы боярину рѣша: «Буди по глаголу его; мы и тако рады, лишь бы правда была». И пришла сверху отвѣдь къ отцамъ: «Буде де изволитъ патріархъ класть въ раку Петра митрополита, и вы печатайте раку чудотворцовы, а не церковныя двери, а у нихъ такой вымыселъ есть, хотятъ винти потайными дверьми въ церковь и старыя книги изъ раки вонъ выкинуть; и повелите около церкви крѣпкой караулъ поставить человекъ по 100 на сутки».

И дошла та вѣсть патриарху, что отцы по его вымыслу не хотятъ дѣлать. Онъ же и сіе дѣло отложилъ, — не восхотѣлъ книгъ въ раку положити. По утру же рано въ среду придоша выборные ко отцамъ и рекоша: «Мы, отцы, по прежнему боярину о семъ дѣлѣ не станемъ докладывать, потому что они паки станутъ сроку просить; и мы вамъ вѣсть учинимъ, такъ и приходите». При часѣ же 6-мъ въ исходѣ приде служивой Михайло десятникъ и велѣлъ отцамъ идти на соборъ. Молебная пѣвше и благословившися у отца Никиты и взявше крестъ и святое евангеліе и страшный судъ, предъ нимиже и свѣщи понесоша, благоговѣнно на соборъ поидоша; такоже и божественныя книги на свидѣтельство и на обличеніе ересемъ нѣцинъ боголюбивии людие на главахъ своихъ несеюша честно, съ благоговѣніемъ и на бережъ дано имъ 50 человекъ стрѣльцовъ. И по нихъ идоша множество народа, утѣшаяще другъ друга, выдающе инокѡвъ всюду огражденныхъ смиреніемъ и страхомъ божіимъ, такоже и на главахъ ихъ образъ благоговѣнія—клобуки старыя и покрытыя очи до вѣждей, якоже ношаху прежнии святіи преподобіи отцы и дивящися глаголаху: «не члсто де брюхо-то у нихъ, и не какъ нынѣшніи новаго завѣта учителя». Егда же придоша въ Кремль, отцемъ не возбранниша входъ, народу же воспретиша ни единого чловека пустити въ городъ. Народи же устремившися и распалившися любовію вси единодушно видѣти бывшее, стрѣльцы же не успѣша вскорѣ вратъ затворити, пройдоша во врата и придоша къ соборнѣй церкви. Благочестія же любители близъ Архангела поставиша палон и на нихъ разпослаша пелены и положиша честный крестъ, святое евангеліе и страшный судъ христовъ и образъ Пречистыя Богородицы и свѣщи предъ ними возжгоша. Бѣже часъ осьмый; а въ соборѣ еще къ обѣдинъ звонять, а въ мірскихъ давно отпѣли. Патриархъ же спуцяя время для того, дабы ему не свидѣтельствовать предъ народомъ книгъ: и отошла обѣдинъ во исходѣ 10 часа. А послѣ обѣдинъ выслалъ пона съ тетрадьми на обличеніе Никитино; объ одну ночь напечатали 160 тетрадей, какъ онъ, Никита, прежде сего повиную приносилъ, что впредъ о старой вѣрѣ не бити челомъ и такова дѣла не вчинять. А самъ пошелъ въ келью хлѣба кушать. Попъ же вы-

шелъ изъ церкви, и самъ весь дрожаше. А послѣ откушанья своего патріархъ со властью прииде въ Грановитую Палату, выборные пойдоша вверху и доложиша боярину: «какъ де, государь, собору быть?» Въ же часъ 11-й. Бояринъ же доложи патріарху; патріархъ же велѣлъ отцамъ идти въ Грановитую Палату: «здѣ де будетъ царица, государи и благовѣрныя царевны: а тамъ имъ быть зазорно предъ всѣмъ народомъ». Выборные же пришли къ отцамъ и сказаша: «Патріархъ де велѣлъ вамъ идти въ Грановитую Палату, тутъ де будетъ царица государыня и царевны». Отцы же возвѣстиша народу о семъ, народъ же воззони: «Чего ради патріархъ стыдится предъ всѣмъ народомъ свидѣтельство дать отъ божественныхъ писаній и старыя книги съ новыми свидѣтельствовать? подобаетъ собору здѣ быть, а въ Палатѣ невозможно никоми мѣрами; потому что много смятенія о томъ въ народѣ: ови хвалятъ новую вѣру, а инии старую, и они бы то сомнѣніе и мятежъ въ нашихъ душахъ христіанскихъ разрѣшили и книги бы старыя съ новыми свидѣтельствовали. А въ Палатѣ гдѣ толку сущу народу вмѣститися? и вы отцы святіи въ Палату не ходите; а царевнамъ государынямъ до сего дѣла иѣсть: достоитъ тутъ быти царемъ государемъ, а не царевнимъ». И отцы выборнымъ рѣша: «Изволь де, государь святѣйшій патріархъ, свидѣтельствовать святымъ книги предъ всѣмъ народомъ, а мы въ Палату не идемъ, что невмѣстно будетъ толку народу во одну Палату собратися». Выборные же пойдоша вверху. Преждереченный же онъ попъ, иже посланъ патріархомъ изъ соборныя церкви, сталъ противу угла Грановитыя Палаты, и нача чести тетради на обанченіе Шикитино; служивые же взяша его и приведоша ко отцамъ, а тетради хотѣли всѣ изодратъ и егд же такоже смерти предать. Сергій же отецъ возбрани имъ: «За что его бити? онъ де не самъ собою прииде, но посланъ отъ патріарха»; и взялъ его Сергій къ себѣ и велѣлъ ему тетради дочитать. Народи же вельми возматюшася о семъ, и хотяще попа каменіемъ прибити. И бысть велія голка и не слышать, что чтеть. Сергій же рече попу: «Что всеу труднишия: видиши ли: никто не слушаеть, на паче молва бываеть?» Попъ жо отвѣща: «Азъ, отче, не самъ собою пришелъ, но посланъ есмь отъ патріарха». Царевна же

и весь царскій синклитъ и патріархъ со властью изъ Грановитыя Палаты съвозъ окончины смотраху на народъ, многимъ тутъ стѣсненія ради стоящимъ по палатамъ и церквямъ. Царевна же Софія похвали отца Сергія: «зпѣть де сей инокъ Бога бояся живетъ и добродѣтельно житіе проходитъ, что не далъ попа народу убить». Народъ же начаша молить отца Сергія: «Скажи намъ, отче, Господа ради, отъ божественныхъ писаній, како убѣжати прелести сей Никонскія?» И принесоша скамью. Сергіи же взыде на скамью и пона съ собою поставилъ врьдъ и рече попу: «Виждь, мы не собою глаголемъ, но отъ божественныхъ писаній». И нача чести Соловецкія тетради о знаменіи честнаго креста, иже рукою слагаемъ, и о крѣжѣ, и о жезлахъ, и о просфирахъ, и о всемъ премѣненіи церковномъ. Въ народъ же бѣ молчаніе велие, и согбенными руками слушающе прилѣжно чтенія, и въздыхающе изъ глубины сердечныя и нѣщии же плачуще; отцы же вельми угнѣтающе. Служивые же принесоша б скамеекъ и поставиша окрестъ святыхъ иконъ. Сергіи же по чтеніи велѣлъ отпустить попу. Народъ же моляше Сергія: «Скажи намъ, Господа ради, еще отъ божественныхъ писаній, дабы намъ душами вѣчно не погибнуть». Сергіи же изнемогъ вельми: бѣ же третій день, не ѣдушу ему, и понуди ту чести Савву тетради. Онъ же отрекся: «прости отче, не мое сіе учити, но ваше; вы бо на сіе и званн». Потомъ же прииде бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій и помолвися честному кресту и святому евангелію и прочимъ иконамъ и цѣлова ихъ, также поклонися и отцемъ, и глагола Никитѣ и Сергію: «Пондите вы въ Грановитую Палату, никакоже вамъ никакова худа тамъ не будетъ; потому что царевны государыни хотятъ тутъ же быти, челобитную слушать, а здѣ чмъ быти зѣло зазорно. А собору нынѣ и свидѣтельству отъ божественныхъ писаній некогда быти, сіе дѣло великое надобно не прильпомъ дѣлать, да и на дворѣ такоже уже поздно; и только лишь хотятъ царевны, государыни и царицы челобитную выслушать, да отпускъ вамъ будетъ». Сергіи же отвѣща: «Царской, государь, бояринъ! мы въ Палату иди зѣло опасны, потому чтобы вымыслу и коварства какого не было надъ нами по прежнему; хорошо бы изволилъ патріархъ здѣ быти, и сему роз-

дѣлу предъ всѣмъ народомъ свидѣтельствовать, а въ Палату гдѣ вмѣстится толику народу? Я вѣдаю, что насъ однихъ не пустятъ, народу же ни единого человѣка не пустятъ; а намъ безъ народу что тамъ дѣлать?» Бояринъ же рече: «Невозбранно будетъ никому идти. Кто хочетъ, тотъ и поди. Когда уже вы, отцы святѣи, на мою душу грѣшную во всемъ положилися, вѣрите же мнѣ и нынѣ. Исперва вамъ въ томъ Бога, свидѣтеля представилъ, что вамъ никакова худа не будетъ, не стануть ни рубить, ни въ струбахъ жечь по прежнему и ни въ ссылку ссылатъ, а нынѣ, буде не вѣрите, въ томъ цѣлую крестъ христовъ и кленуся Пречистою христовою кровію, что вамъ никакова худа не будетъ; развѣ что будетъ мнѣ, то же и вамъ». Никита же рече Сергію: «Отецъ Сергіи! я ему вѣрю, мнѣ онъ одному клялся также, и что больше сея клятвы?» Сергіи же отвѣща боярину: «Мы, государь князь Иванъ Андреевичъ, во всемъ положилися на Бога и на Пречистую Его Богоматерь и на твое благоутробіе; буди тако по твоему прошенію». Бояринъ же поиде и рекъ имъ: «Вы безъ меня не ходите; я малъ часъ побуду въ Палатѣ, да къ вамъ скоро возвращуся». Народи же зѣло прилежно начаша отъ него молити, какъ бы въ Палату не ходити. Ини же отъ царскаго двора приидоша, и въ Палату имъ ходити не вѣляли. Они же рекоша намъ: «Братіе! въ Палату не пойти, и они насъ назовутъ гордыми и непокоривыми». И по малъ времени приидоша изъ Палаты выборные и рекоша отцемъ: «Приказали де царевны государыни въ Палату идти и бояринъ». Отцы по прежнему взяша честный крестъ и Святое Евангеліе, и иконы и свѣщи предъ ними понесоша; христоролюбивіи людіе взяша книги и на главахъ своихъ понесоша, также палон; и много же народу покуснишася идти съ ними и преступиша къ красному крыльцу; служивые весь народъ прутьями стали отбивать, которые тутъ приставлены къ караулу. Егда же Никита постуши на первую степенъ на Красномъ крыльцѣ, тогда изъ Грановитыя Палаты, яко дивіи волци или бѣшеные пси, приходскіе попы несбычно устремишася на красный крылецъ и смяша всѣхъ. Единъ же полъ ухвати Никиту за власы; правоушніи же возопиша: «Видите, православніи, какое коварство навели намъ? Ино де гдѣ бить,

да правду дѣлать? а они при царской свѣтлости бьютъ.» Стрѣльцы же устремишася на поповъ и начаша ихъ подь боки кулаками бить. Попы же устремишася и разбѣгошася и не свѣдашася другъ друга, а нпші же вверхъ поповъ 50 ушло, а всѣхъ было поповъ 300 заведено за Палату. Отцы же возвратишася на свое мѣсто; служивые рѣша: «То ли де правда? общашися праведной судъ сотворити; или для того и въ Палату и звали, чтобы убити занапрасно по прежнему?» И бысть шумъ великъ и крикъ во всѣхъ людехъ: видять, что неправедно дѣлають, — все подставомъ, да обманомъ. По малѣ же времени приде бояринъ и рече: «Чего ради не извольте идти?» Они же рекоша: «Какъ де государь, царской бояринъ, идти? Ты общашися, что по прежнему не будутъ ни бить, ни мучить: а нынѣ при ихъ царской свѣтлости безвинно бьютъ, а индѣ гдѣ и давно стануть давити и бить». И указали попа, кой за власы дралъ. Бсяринъ же того попа повелѣ сковать, да въ стрѣлцкой приказъ сослать; а прочихъ поповъ сверху сбить, только небольшихъ оставить по упрошенію властей, и самъ говорить: «Я ничего не знаю.» А ихъ набралось что кабацкихъ ярыжекъ. Потомъ бояринъ приде ко отцамъ и рече: «Извольте, отцы святіи, идти». Отцы же отвѣщаша: «Боимся, государь, царской бояринъ, идти, что неправды стало много»; и бояринъ накі цѣлова крестъ христовъ въ правду, что никакого зла не будетъ: «я де сего дѣла не вѣдалъ». Народи же едино кричать: «Не ходите въ Палату; аще пойдете, худо будетъ, обмануть тамо васъ лукавствомъ своимъ». Отцы же, въря боярской душѣ и клятвѣ, взяша честныя иконы, также и книги по прежнему, и пойдоша въ Палату; много же съ ними посадскихъ людей пойдоша. И егда же внидоша въ Палату, и поставиша среди Палаты предъ царскимъ мѣстомъ палой и положиша честный крестъ христовъ и святое евангеліе и святыя иконы и возжгоша предъ ними свѣщи и поклонишася вси по обычаю царевнамъ и царицѣ до земли; патриарху же никто не поклонися, также и властемъ. На царскомъ же мѣстѣ сѣдѣше царица Софія Алексѣевна, а на другомъ царскомъ мѣстѣ Татіана Михайловна, а по правую сторону Наталья Кирилловна, а подлѣ царицы царица Марѣа Алексѣевна, а промежь царскихъ мѣстѣ царица Анна Михайловна, а

подлѣ царевны Софїи одалъ въ углу патріархъ сидитъ на мѣстѣ; а подлѣ патріарха новгородскїй митрополитъ и прочїи власти, а по лѣвую сторону стоятъ бояре. И началъ вопрошать патріархъ: «Какова ради дѣла прїидосте въ царскїя Палаты, и что требуете отъ насъ?» Никита же отвѣтъ даетъ патріарху: «Пришли къ царемъ государемъ побить челомъ о исправленїи православныя христіанскїя вѣры, чтобъ царское свое праведное разсмотрѣніе дали съ вами, новыми законодавцы, и чтобъ церкви божїи были въ мирѣ и соединенїи, а не въ мятежи и раздранїи, и служба была бы въ церкви божїей, какъ при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ и при святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ служили по старымъ служебникамъ». И патріархъ рече: «Не на васъ сіе дѣло належитъ и не подобаетъ вамъ простолюдиномъ церковная исправляти и въ томъ архїерея зазирати. Должно есть архїерея архїерсемъ судити, а не простолюдиномъ; мы на себѣ христовъ образъ носимъ и даде намъ Богъ власть такую: «егоже аще свяжете на земли, связанъ будетъ на небеси, и егоже аще разрѣшите, разрѣшенъ на небеси»; и пакѣ: «слушавъ васъ Мене слушаетъ, отменяяся васъ Мене отменяется». И Апостоль рекъ: «повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покарїтеся: тїи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово хотяще воздати». И азъ аще и грѣшенъ есмь, но пастырь, а не наемникъ и не разбойнически престоль и такую сію тяготу на себе восхитилъ, по избранїе благочестивѣйшаго великаго царя, второе и потомъ освященнаго собора, и вамъ должно есть повиноватися матери нашей соборнѣй и апостольствѣй церкви и потомъ всѣмъ архїерсемъ, некущимся о вашемъ спасенїи. А у насъ вѣра православная стараго православїа греческаго закона, въ нейже святїи отцы Богу угодна, исправлена съ греческихъ и съ нашихъ характерныхъ книгъ по грамматикѣ; и мы отъ себя ничто не внесохомъ въ церковь божїю, но все отъ божественныхъ писанїй: вы же грамматическаго разума не коснулись и не знаете, какову силу въ себѣ содержатъ». И отвѣща Никита: «Мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, но о церковныхъ догматѣхъ и поговоримъ съ тобою краткими глаголы, и азъ о чемъ тебя вопрошу, ты же ми отвѣтъ дай. Чего ради, егда вы люторгїю служите и на

выходѣ выйдешь, взявъ честный животворящій крестъ христовъ въ лѣвую руку; а тройную свѣщу въ правую руку, и машешь объѣма рукама крестообразно на всѣ стороны? Почему свѣща и огонь честите креста господня, и что прообразуетъ огонь и свѣща?» Патріархъ же противъ Никитинныхъ рѣчей ничего не отвѣща; и бросился изъ кута холмогорскій епископъ пустобородый, а имя ему не въ памяти учинилося, и нача громко говорить, а рѣчей не слышать. Никита же воспрети ему: «Что ты нога выше главы ставишиися, я не съ тобою говорю, но съ святѣйшимъ патріархомъ»,—и отведе его мало рукою. Царевна же Софія с а н г у н ы и д т л с ѿ та-коже и тутъ скочи съ престола и воскрича: «Видите ли, что Никита дѣлаеть въ нашихъ очахъ, архіеревъ бьетъ, а безъ насъ и давно убьетъ». И предстоящій же рѣша: «Итъ де, государыня, онъ не бьетъ, лишь только рукою отвелъ, да не велѣлъ ему прежде патріарха говорить». Царевна же стала говорить: «Да ты ли, Никита, съ святѣйшимъ патріархомъ говоришь? не довелось тебѣ у насъ и на очахъ быть, не токмо что говорить. Помниши ли ты, Никита, какъ отцу нашему блаженныя памяти, и святѣйшему патріарху и всему освященному собору принесъ повинную и великою клятвою клялся: «аще де впредь стану о вѣрѣ битъ челомъ, или вчинять по прежнему, и будетъ де на мнѣ клятва святыхъ отецъ, седми вселенскихъ соборовъ»; а нынѣ ты опять за то дѣло принялся? Никита же отвѣща: «Государыня, но заираюся, поднесъ я повинную челобитную отцу вашему блаженныя памяти царю государю такоже и всему собору за мечемъ и за струбомъ; и по челобитной моей, кою подавалъ на соборѣ, мнѣ грѣшному отвѣту никто не отдалъ изъ властей—а челобитную я писалъ 7 лѣтъ; лишь згибавъ меня, да въ тюрьму, а не вѣдаю, за что. Да на меня же Жезлъ книгу сложилъ Семень Полоцкой, а противъ той челобитной и пятой части нѣтъ къ той челобитной мнѣ отвѣту; а изволишь, государыня, и нынѣ противъ Жезла того мнѣ отвѣщати, и я нынѣ ево очищу и, если виноватъ буду, уже воля ваша, якоже хотите, тако и сотворите». И царевна ему молвила: «Итъ тебѣ дѣла говорить съ нами, и на очахъ нашихъ тебѣ не подобаетъ быти». И повелѣ царевна челобитную чести думному дяку, а имя ему

пропамятовалъ; и чтаніе его бѣ зѣло стройно и внятно. Егда же дойде въ челобитной до сея рѣчи, что де «чернецъ Арсеній, еретикъ и жидовскій обрѣзалецъ, и съ Никомомъ, бывшимъ патріархомъ, поколебали его царской душею, блаженныя памяти царя Алексѣя Михайловича,» — царевна же Софія, не стерпѣвъ сего слова, скочи съ престола и нача со слезами говорить: «Когда Арсеній и Никонъ Патріархъ еретики, такъ и отецъ нашъ и братъ таковы же стали? ино по семъ вынѣшніе цари не цари, и патріархи не патріархи, и архіереи не архіереи стали? и мы де сея хулы не хотимъ слышати, что отецъ нашъ и братъ еретикъ, и мы де пойдемъ всѣ изъ царства вонъ». И стала съ престола царскаго съ иконою и отошла съ сажень прочее и стала. Хованскій, бояра и выборные вси восплакаша: «За что де царемъ государемъ изъ царства вонъ итти? мы де рады за нихъ, государей, головы своя положить.» А иные стрѣльцы видятъ такую неправду, разгорѣвшись любовію божіею, стали говорить царевнѣ: «Пора де, государыня, давно вамъ въ монастырь; полно де царствомъ тѣмъ мутить; намъ бы де здоровы государи были, а и безъ васъ де пусто не будетъ». Она же слышавше сіе, бысть ей зазорно вельми и съ великимъ стыдѣніемъ съѣдъ на царскомъ мѣстѣ, и повелѣ паки челобитную чести. Дьякъ же начавъ челобитную чести о истинномъ тричастномъ крестѣ христовѣ и о крыжѣ латынскомъ, како святіи отцы за едино истинный крестъ христовъ съ крыжемъ латынскимъ не почитали и чести крыжемъ отнюдь не воздавали; и о сложеніи перстномъ приведено много отъ божественныхъ писаній свидѣтельства, иже невмѣстно здѣ написать, но точію вкратцѣ речемъ — Теодоритого, и Мелетія, и Петра Дамаскина, и премудраго Максима Грека и иныхъ богоносныхъ отцевъ многихъ, како крестится и благословити, также книга Кормчая: «Аще кто не крестится двѣма перстома, якоже и Христось, да будетъ проклятъ». Она же стала говорить: «Да мы за сложеніе перстное не истязуемъ: кто какъ хочетъ, такъ и крестится, хотя двѣма, хотя тремя персты, хотя распростертою дланію, — все то равно». И отецъ Саватій сталъ говорить: «Нѣтъ де, государыня царевна Софія Алексѣевна, что де воображати крестное знаменіе двѣма персты на лица своемъ, то древнее преда-

ніе преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ»; и сложа лѣвою рукою три персты по новому: «а сіе щепоть преданія римскаго паны Формозы сретика, онъ такъ благословлялъ и повелѣлъ такоже и креститися». Царевна же рече: «Что де, шнокъ, боишься сложить правою рукою три персты, но слагашь лѣвою?» Саватій же отвѣща: «Ей, Государыня, боюся и зѣло страшно нарушити преданіе святыхъ и богоносныхъ отецъ». Она же рече: «Не бойся слагай правою рукою, мы и сами такъ крестимся всяко: тремя персты и всею дланію, да отъ того не будешь осужденъ». Саватій же рекъ: «Не буди намъ, государыня, оставити преданіе святыхъ отецъ; аще и смерть вкусимъ, вѣдаетъ Владыко за что». Царевна же умолча. Дьякъ же нача чести о сложеніи треперстномъ знаменіи и прииде рѣчь: «а о треперстномъ сложеніи написалъ грекамъ нѣкто Дамаскинъ и Студитъ иподіаконъ, не вѣдаю да что имя ему, не вѣдаю прозваніе». Царевна же начатъ простымъ людямъ внушати: «Уже де Ивана Дамаскина порочатъ и преданія его хулятъ, а его де книгъ церковь божія много пріяла». И Саватій сталъ говорить: «Нѣтъ де, государыня, не буди того намъ, что такова велика свѣтильника и церковнаго учителя опорочити и преданіе его хулити, что церковь божія пріяла; мы преданіе его честно приедемъ и любезно цѣлуемъ. А то Дамаскинъ Студитъ иподіаконъ написалъ такъ креститися въ три перста, а не вѣдомо кто, и откуда, и каково его житіе, и въ коемъ градѣ рожденіе, и нигдѣ въ божественномъ писаніи не обрѣтается, только лишь написанъ въ Скрижали въ недѣлю третію великихъ постовъ, слово Дамаскина и Студита иподіакона, а Богъ вѣсть откуда онъ». И тутъ царевна умолчала. И егда дойде во челобитной до сего рѣчи: «да онъ же Дамаскинъ иподіаконъ въ словѣ своемъ въ тужо недѣлю третію святаго поста повелѣваетъ намъ православнымъ христіанамъ ходити по татарски безъ крестовъ и пишетъ сице: каа польза, рече, или какая добродѣтель есть носити кому крестъ на рамя своемъ?» Она же вскочивши съ престола и нача говорити: «Вотъ смотрите, какую бѣду они написали, будто мы велимъ имъ безъ крестовъ ходити, и стала спрашивать бояръ: есть ли на васъ кресты?» Они же отвѣщаша: «На насъ де, государыня, на всѣхъ кресты есть». — «А на васъ служивые есть ли кресты?» — И

они тоже отвѣщаша: «На насъ, государыня, на всѣхъ кресты есть,»—и пачаша казати другъ другу. Никита же священникъ отвѣща: «Да въ вашей же книгѣ написано, что безъ крестовъ ходити?» Она же велѣла Скрижалю книгу предъ себя принести. Никита же, взявъ Скрижалю, и хотяше къ ней нести; она же воскричала: «Тебя де, Никита, къ сему дѣлу не спрашиваютъ; я вѣдь тебѣ говорила, что тебѣ у насъ недостойтъ и на очахъ быти, не токмо что говорить,»—и велѣла книгу отцу Сергію къ себѣ принести. Сергій же принесъ къ ней Скрижалю и указа ей слово, идѣже написано, что безъ крестовъ ходити. Она же посмогравши и стала говорить: «Я де сего слова не читала и не знаю, да у насъ де по сей книгѣ и въ церкви по чтуть». Сергій: «Въ томъ же, государыня, словѣ писано и о сложеніи триперстномъ». Она же паки умолче. Дьякъ же нача члобитную чести и дойде до сего слова: «Да онъ же Дамаскинъ не убоися страха божія, отрыгнувъ отъ злаго сокровища своего: въ томъ же словѣ безгрѣшнаго Сына Божія Господя нашего Иисуса Христа именовалъ грѣшнымъ, будто онъ Спаситель нашъ распялся за нѣкое прегрѣшеніе, а не за мірское спасеніе и пишетъ тамо сице: тако да имате смерть вашу предъ собою, яко и Онъ, иже имате распинатися за нѣкое прегрѣшеніе, носятъ крестъ на рамя своемъ и ходитъ трепеща, ожидая смерти». Она же абіе вскочивъ съ престола и рече предстоящимъ: «Видите ли какъ они написали въ члобитной своей, что Спаситель нашъ Христосъ распялся за нѣкое погрѣшеніе, а не за мірское спасеніе; какъ такъ и помыслити нельзя, какъ они такъ плутають». Сергій же отвѣща: «Да въ той же государыня Скрижали напечатано, въ томъ словѣ въ недѣлю 3-ю постовъ». Она же паки повелѣ принести Сергію книгу. Онъ же, взявъ книгу Скрижалю, и принесо предъ нее и указа ту рѣчь, идѣже написано: «имѣтъ распятися за нѣкое погрѣшеніе». Она же рече: «Я де сего слова не знаю и не читала», и умолчала. Дьякъ же нача паки чести, и приде о аллилуіи, какъ Игнатію Богоносцу отъ ангела предано, еже 2-жды глаголати божественная аллилуія, а въ третій «Слави Тебѣ Боже», и какъ преподобный Ефросинъ псковскій ходилъ въ Царьградъ ради увѣренія той божественной аллилуіи, и отъ свѣтѣйшаго патріарха взявъ благословеніе и

обхождаше монастыри и пустыни и скиты, и во всей Палестинѣ видѣвъ чинъ глаголющихъ аллилуіа дважды, а въ третій—«Слава Тебѣ Боже»; и како премудрый Максимъ Грекъ въ книгѣ своей написалъ: «еже възчетверяти божественная аллилуіа и то де преданіе римскаго костела, аще де не престанете божественная та аллилуіа възчетверяти, и всѣ напипы обычаи и преданія воспріати». И тутъ холмогорскій епископъ, взявъ харатейную книгу въ полдестъ, прописаны начальныя слова золотомъ, и въ ней написано аллилуіа 3-жды, а въ четвертый «Слава Тебѣ Боже» и сталъ говорить: «Вотъ де въ хвалительныхъ написано книгахъ аллилуіа четверити, да въ греческихъ такоже, якоже у насъ нынѣ соборная церковь содержитъ». Правовѣрній же отвѣщаша: «Да та харатейная книга взята либо изъ Великаго Новгорода, либо изъ Пскова, преданіе Юва, роспопа троеженца, а не здѣшнихъ великихъ князей. А что до ты рекъ: и въ греческихъ во всѣхъ книгахъ четверичное аллилуіа, и то ты солгалъ.» И показали ему греческій часословецъ въ осьмушку, и мы ему рекли: «Вѣрите ли сему и греческія ли печати?» Онъ же рече: «Печать греческая и руки греческія». И тутъ напечатано послѣ ислама: «Благослови душе моя Господа»: аллилуіа, аллилуіа, докса си о оеосъ, а не четверичная по вашему. А ты лжешь на греческія старыя книги». И тутъ епископъ посрамленъ бысть, — и говорить стало нечего. Дьякъ же сталъ челобитную чести, и множество ересей прочте, и они уже вси молчаша. И при концѣ челобитныя, егда дойде до сея рѣчи, что де они новыя вѣры учителя и бышій патріархъ Никонъ да Іоакимъ патріархъ со всѣмъ своимъ соборомъ насъ православныхъ христіанъ, не пріемлющихъ ихъ латиноримскаго новаго и самобышеннаго преданія и не знаменующихся тремя персты по ихъ суетумудренному мудрованію, проклятію предають и по сему знатно: аще мы отъ нихъ прокляти, то и вси наши російскіе чудотворцы и прародители ваши государевы, благовѣрные цари Иванъ Васильевичъ и дѣдъ вашъ государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Россіи и прадѣдъ вашъ государевъ святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, и отецъ вашъ государь блаженныя памяти царь государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ до настатія Никонова въ томъ

же благочестіи пребылъ, и они по тому же проклятію подлежатъ; якоже и самъ онъ Іоакимъ патріархъ со всѣми властями по тѣмъ старымъ святымъ книгамъ отъ свята кунели крещеніе воспріяли, такъ и они свое крещеніе тутъ же вѣстѣ съ нами проклинають. Поистинѣ писано въ правилѣхъ святыхъ апостолъ: «аще святитель не по волѣ божіей проклинаеть, не послѣдуетъ ему судъ божій». И много отъ божественныхъ писаній писано, яже нѣтъ есть вѣстити продолженія ради. Патріархъ же и вси власти противъ челобитной нимало отвѣта не дали, только сидятъ, повѣся головы. Бояре же, другъ на друга возглядываясь, улыбаются, что власти отвѣта не дадутъ; а нѣи зѣло плачутъ, слышавше толикое описаніе многихъ ересей въ новыхъ книгахъ и великую ихъ неправду. Только лишь царевна одна примолвила: «Вижу я, ваше то дѣло подобно сему, якоже сосудъ полнъ полыни, а край же его помазанъ медомъ; такъ то о отцѣ моемъ? когда уже отецъ нашъ еретикъ, на что же его пишете съ полной титулой?» И егда думной прочте челобитную, царица Наталья Кирилловна пойдѣ во свои пазаты; патріархъ, взявъ сосуды церковныя, златомъ обложены и подписаны римскими словами преподобнаго отца нашего Антонія Римлянина, зѣло изрядны, и показа всему міру, рече: «Вотъ, государи православные христіане! сѣи сосуды преподобнаго отца нашего Антонія Римлянина принесены моремъ въ бочкѣ и крестъ на потирѣ четверочастный». Сергій и прочіе отцы возопиша: «Да мы сей крестъ: христовъ приедемъ и покланяемся; сей крестъ тричастный, а не двочастный якоже крыжъ». Бѣ же на сосудѣ крестъ: прекое древо на подножїи, а дщицы, что титуло написано, тое нѣтъ; обложено крупнымъ жемчугомъ. И еще патріархъ показа книгу служебникъ и доски пробиты, а говорить: «служебникъ преосвященнаго Кипріяна митрополита», а на свидѣтельство не далъ, какъ въ ней написано, сходно ли съ старыми служебниками или нѣтъ. Да еще книгу показалъ въ тафтѣ оберчену, а сказываетъ: «соборный свитокъ свѣтѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, присланъ къ благовѣрному царю Θεодору Ивановичу всея Русїи о исправленїи церковномъ», а не покажетъ, что въ ней писано, сходно ли съ нашими старыми книгами, или не сходно. И отцы тутъ рекли: «Изволь

де, святѣйшій патріархъ, показать, что въ ней писано». И онъ лишь только говорить: «Мы на себѣ христовъ образъ носимъ и азъ пастырь, а не наемникъ, и вамъ должно есть намъ повиноватися», и не вѣдаю, за что. Да вышелъ попъ, брюхо велико, и сталъ говорить: «Вотъ ваши любимыя-то книги Филаретовскія». И отцы рѣша: «И ты скажи намъ, что въ нихъ несправно печатано». Онъ же нача чести: «во святый и великій четвертокъ и великую субботу и въ день святыхъ Пасхи и на Рсждество Христово и на Богоявленіе, и въ день святыхъ апостолъ Петра и Павла, и на Успеніе Пресвятыя Богородицы прпчщаемся святыхъ воды Богоявленіи и тако разрешаемъ—иноцы на сырѣ и на маслѣ, міряне же на мясе». Шикита отецъ не разсудилъ о семъ, сталъ говорить: «Такіе же плуты печатали, какъ и вы». И онъ окаянный неарочно въ простые люди впушилъ, будто въ великій четвертокъ и въ великую субботу въ филаретовскихъ книгахъ напечатано мясо ясти. Царевна же Софія воста съ престола и нача людемъ говорити, да ѣе слушаютъ ревнители православія, будто лжу на нихъ глаголющихъ. Народи вскричаша, кои въ Палатѣ, велимъ гласомъ и протянуша руки своя горѣ, сложа персты по преданію святыхъ отецъ: «Мы, государыня царевна Софія Алексѣевна, рады за старрой крестѣ умереть», и возведоша очи горѣ и видѣша въ Грановитой Палатѣ въ небѣ Саваоова написанна, на престолѣ сѣдѣща и по обою страну благословѣща по старому двѣма персты, и рекоша царевитъ: «Вонъ, Государыня, мы и простѣи видимъ преданія святыхъ отецъ, мы тому и последуемъ»—и указываютъ перстомъ на Саваоова. Она же со слезами изрече: «Невѣдомо, что мнѣ съ вами стало дѣлать»,—пойде на другую страну Палаты и ста въ углу; выборнымъ же велѣла за собою ити и рече выборнымъ: «Видите ли, свѣты: какую хулу возлагаютъ на отца нашего: не тотъ-де воръ, кой кридетъ, тотъ воръ, кой прие-летъ. Они же называютъ Арсенія старца еретикомъ и Шикона патріарха; и потому и отецъ нашъ и братъ такоже еретики стали, да и мы таковы, и вамъ, свѣты надобно за это дѣло стоять. Да и въ томъ крестѣ цѣловали великимъ государемъ, что за нашъ царскій домъ стоять». И тутъ выборные ко отвѣту Савву поставили; и онъ ей отвѣщаль: «Нѣтъ-де государыня, они въ челобитѣ своемъ не называли блаженныя памяти отца вашего

царя Алексѣя Михайловича и брата вашего Феодора Алексѣевича еретиками, но токмо Никона и Арсенія: что они, по наученію діавольскому, исказили и испревратили всю нашу православную христіанскую вѣру, того ради ихъ называли. Да и прежде сего бывало въ Царѣградѣ: пришелъ чернецъ аріанскія вѣры, да и прельстилъ царя православнаго и во иконоборство ввелъ; да того ради отцы не называли еретикомъ царя, но черница проклинали и еретикомъ называли: тако и они писали и еретиками называли и Никона называютъ; что на нихъ сіе дѣло лежитъ». Царевна же имъ молвила: «Идите же съ миромъ». И поиде вонъ изъ палаты, такоже и патріархъ со властью поидоша; а собору приговорили быть въ пятницу. Народи же, видѣвше отцевъ, возрадовашася и поидоша вонъ изъ Кремля. Хованскій же приказалъ дать 100 человекъ стрѣльцовъ и проводить ихъ до двора ради обережи. Егда же изыдоша вонъ изъ града, народи же начаша молити отцевъ прилѣжно со слезами, дабы на лобнѣмъ мѣстѣ почли отъ божественныхъ писаній. Отцы же по умоленію ихъ сотвориша: и начаша на лобнѣмъ мѣстѣ чести отъ божественныхъ писаній соловецкія тетради и толкомъ разсказывать ереси и какъ отъ нихъ блюстися, и въ книгѣ правой вѣры прочтоша объ отпаденіи юнатовъ и довольно поучивше въ божественныхъ писаніяхъ. Бѣ же народу многое множество съ женами и съ дѣтьми слушающе прилѣжно и дивящися Никоновы вѣры ученію, како превратиша всю нашу православную христіанскую вѣру, и колко ересей настѣяша въ божественныя книги, и въздыхающе изъ глубины сердечныя; ниин же плакаху. И по чтеніи взяша честныя иконы и идоша въ Таганскія ворота поюще: «Владычице! прими молитву рабъ своихъ» (Большую); и «о тебѣ радуется»... и богородиченъ 8 гласа: «царю небосный». Народи же вси по нихъ идуще и другъ другу възвѣщающе съ радостію: «Намъ де цари государи приказали по старому креститися», и показующе всему міру, сложа персты по преданію святыхъ отецъ. И придоша за Язу ко Всемилоствѣишему Спасу, глаголемое Чигасы, близъ Титова приказу и повелѣша звонити довольно—три часа. И сгда виидоша въ церковь и начаша молебная совершати Пресвятѣй Богородицѣ Одигитріи. И послѣ молебна поидоша въ домъ, идѣже прежде пребы-

вающе; народи же, проводивше ихъ до двора, разыдошася съ міромъ. Царевна же Софія по исхожденіи отецъ изъ Грановитыя Палаты, поиде въ свои царскія полаты и потомъ же прииде патриархъ къ ней со властью и поклонишася ей до земли, глаголюще: «Не дай де, государыня благовѣрная царевна Софія Алексѣевна, въ поносъ и униженіе и въ посмѣхъ такъ-вымъ раскольникамъ»; плачуще и рыдающе и ревуще, яко воли, и слезами ноги ей омывающе. Она же повелѣ призвати выборныхъ всѣхъ полковъ. И сгда приидоша выборные, и нача царевна имъ говорити: «Молятъ васъ благовѣрные цари государи, и мы съ ними же и весь царскій синклитъ, и потомъ святѣйшій патриархъ и преосвященные митрополиты и весь освященный соборъ, не промѣняйте вы насъ и всероссійское государство наше на шестерыхъ чернецовъ, и не дайте въ поруганіе святѣйшаго патриарха и потомъ всего освященнаго собора.» И поклонишася вси, царевны, патриархъ и власти стрѣльцамъ мало не до земли, вси слезами обливающеся. Выборные же рѣша: «Намъ, государыня благовѣрная царевна, до того дѣла нѣтъ, что стоять за старую вѣру и не наше то дѣло, то дѣло святѣйшаго патриарха и всего освященнаго собора.» И обѣщася имъ царевна дать дары и чести великія, — перваго выборнаго Стременнаго приказу пятисотнаго Никифора Силина велѣла помѣтити въ думные дяки, да боярина пятисотнаго велѣла помѣтити въ дяки же, а сына вверху приказала взять, а инымъ выборнымъ приказала дать по 100 и по 50 руб. и велѣла понти на погребехъ, чего ни хотятъ. Они же наипаче сказаша, что намъ до того дѣла нѣтъ. А Титова полку выборные не пошли вверху, и по нихъ сверху царевна посылала, и они вверху не пошли и начатъ имъ царевна говорити: «Для чего вы съ полками заодно повинныхъ не хотите дати, что впредь о старой вѣрѣ челобитья не заводить?» И пятидесятникъ Авдей Артемьевъ говоритъ: «Мы де, государыня царевна, безъ братскаго совѣта повинной не смѣемъ дати, прибьютъ де насъ каменіемъ рядовые стрѣльцы, какъ придемъ въ полкъ.» И велѣла царевна все оружіе у нихъ отбратъ и жалованныя грамоты взять, и отказать имъ отъ царскаго двора, что имъ нѣтъ дѣла до караула, какъ хотятъ, такъ и живутъ; велѣла за караулъ отдать. И какъ ихъ повели

за караулъ и одинъ отъ нихъ молвилъ: «Добромъ съ ними не раздѣлаешься, пора де опять за собачьи кожи приниматься». И царица, то услышавъ, повелѣла ихъ возвратити въ палату. Имъ стали говорить: «Ну цари государи въ непокорствѣ вашемъ прощаютъ, живите по прежнему, а оружія и пороховой казни у васъ не отнимаютъ и жалованныхъ грамотъ, и вы принесите съ своею братією заодно челобитную, что впредь сего дѣла не вчинять». И выборные къ ней рекли: «Добро де, государыня, и мы пойдемъ да возыѣстимъ братіи своей, что они придумаютъ». И отпускъ сотвори всемъ выборнымъ, и приде каждо въ полкъ свой. И рядовые стрѣльцы стали за нихъ приниматься: «что де вы о правдѣ послапы говорить, а неправду дѣлаете, пропили вы насъ на водкахъ да на красныхъ пойвахъ?» И посадили перевязавши въ тюрьму, а сами говорятъ: «Утре де вамъ указъ будетъ, ино де вы нынѣ Титовъ приказъ руками выдали безъ нашего вѣдому, а ино де иной также отдадите». И выборные имъ стали говорить: «Дворяне государскіе! подите сами да говорите предъ царевною; всѣ царевны государыни и святѣйшій патріархъ со властью, а мы при нихъ кто? а они намъ въ ноги кланяются, а сами плачуще говорятъ: «не промѣняйте де всего государства нашего на шестерыхъ старцевъ»; и мы слышавъ отъ нихъ, подумавъ да и отказали, а сказокъ безъ вашего вѣдома не дадимъ». И въ вечеру у выборныхъ совѣтъ былъ въ Стремянномъ приказѣ и придумали, что во всемъ отказать старцамъ и посадскимъ: «намъ до того дѣла нѣтъ». И пришли къ царевнѣ и сказали: «Наша де государыня немощь стала и рядовыя насъ хотятъ каменіемъ прѣбить, а иныхъ де нашу братью въ тюрьму пересажали, и не вѣдаемъ сами себѣ, что будетъ намъ утрѣ,— живы ли будемъ или нѣтъ? и хотятъ росписываться по прежнему приказу и съ барабаны идти, и наша де, государыня, топерѣ стала немощь». И свѣдавше сіе патріархъ, приближалъ къ царевнѣ и началъ плакать, а самъ говоритъ: «Теперь де наша конечная гибель пришла; напрасно де ихъ раздражили». И царица молвила: «Не кручинься, батюшко, ты объ этомъ дѣлѣ, я де знаю ихъ уговорить». И велѣла разослать памяти по всемъ приказамъ, чтобы со всякаго полку шли на опасной караулъ къ Троицѣ, иже на рву, по 100 человекъ и солдатъ

и пушкарей также. И сошлись къ вечеру со всякаго приказу по 100 человекъ и стали сговариваться: «Худо де, братцы; выборные насъ пропили на водкахъ и красномъ питьѣ и Титовъ приказъ руками хотѣли отдать, а потомъ иной приказъ также отдадутъ». И придумали всѣ полки, что выборныхъ всѣхъ прибить за неправду ихъ, а къ патриарху по прежнему идти съ барабанами. И въ то время приде сверху невѣдомо какова чину человекъ и сталъ имъ говорить: «Дворяне и вся надворная пѣхота великихъ государей! цари государи жалуютъ васъ погребомъ. На 10 человекъ по ушату ишва простаго и поддѣльнаго, также и мѣра меду». Они же и думать перестали, да и побѣжали всякой десятокъ съ своимъ ушатомъ, да перепилися пьяны. И выборные имъ стали говорить къ тому же, которые почести великія взяли на дворянъ государевыхъ: «Чего намъ больше жалованья отъ великихъ государей? Чѣмъ насъ великіе государи не пожаловали?» Они же перепившись, да правотѣрныхъ нашу братію о Христѣ возми да бей: «Вы де бунтовщики и возмутили всѣмъ царствомъ». Они же правотѣрнии, видѣвши ковъ злохитраго діавола и себѣ великую пакость и убійство, взятошася и другъ друга не свѣдаху, бѣгству себя предаша. На другой день также по сту человекъ перепили, также и на третій день да и вси полки такъ перебрали. Они же служивые, злѣ соединившеся, да и повинныя принесли за руками, что до того дѣла намъ нѣтъ, и впредь не вчинять. Да сто человекъ послали по отцевъ и привели на Лыковъ дворъ, никто не вѣдалъ; отца Никиту единого оставили на Лыковъ дворъ за карауломъ, а прочихъ отцовъ взяли на патриаршій дворъ и разсажали порознь. Во вторникъ на первомъ часу отцу Никитѣ главу отсѣкли, и отца Сергія въ ссылку послали въ Ярославль во Спасской монастырь; а прочихъ отцовъ разослали по инымъ монастырямъ. И въ то время не свѣдаху другъ друга, наипаче приде гоненіе. И что видѣли своимъ очима и что слышахомъ отъ своя о Христѣ братиѣ, сія написахомъ.
